

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

Алексей Боровец

СОЛНЕЧНЫЕ
ЧАСЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

КНЯЗЕВ И МИСЮК

ММХХ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Руслана Князева, издателя книги

СЕЙЧАС БУДЕТ СТРАШНОЕ КЛИШЕ: ПОВЕСТЬ «СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ» не попадает в свое время. Здесь нет издевки или зауми, свойственных постмодернистской книге, более того — Алексей Боровец ищет путь к пониманию искусства за пределами постмодерна. Это повесть здравомыслящего человека, талантливого музыканта и нашего современника — из тех, благодаря которым не так одиноко жить.

Я не литературный критик, поэтому мне сложно описать ощущения от книги. Скажу несколько вещей. Во-первых, редко встретишь текст, с героем которого совпадаешь на культурном уровне: вы слушаете одну музыку, что-то знаете о Кейдже, что-то — о Ротко, чуть-чуть — об акционизме. Во-вторых, читатель, безусловно, отдаст себе отчет в том, что по стилю повесть скорее модернистская: прямолинейная (несмотря на две пересекающиеся сюжетные линии), бескомпромиссная, ясная. Однако сюжет здесь второстепенен. Суть — в отношении к искусству. Это главный вопрос повести, и он же остается открытым или закрытым в зависимости от трактовки финала.

В этом и заключается непопадание в свое время. Боровец пишет о простых вещах, задает прямые вопросы и приходит к логичным выводам — но это *неудобная* правда. Думаю, повесть описывает поздний капитализм и постмодернистское искусство как тупик цивилизации.

Интересно, что разговоры об этом происходят в оторванной от цивилизации среде — в походных условиях и на дне моря. Подсознательно или нет, Боровец ищет ответ в местах, нетронутых человеком, можно сказать, роется в архаике. Равно архаичен и ключевой образ книги — солнечные часы. Устройство, вышедшее из употребления задолго до промышленной революции.

На этот образ работает и оформление книги. Подготовка к изданию повести длилась около двух лет. Такой подход также сложно назвать современным: книга постоянно менялась, отбрасывала лишнее и приобретала новые черты. Однако основа оставалась прежней: изображение палеолитической Венеры в пяти разных освещениях. Изначально художник Артем Мисюк слепил скульптуру Венеры из глины, затем зарисовал ее с натуры и вырезал на березе ксилографические доски. В книгу вошли отпечатки с них.

Без патетики невозможно, видимо, ни одно предисловие, но я обязан это сказать. Наша задача стояла не в издании книги как товара, или книги как искусства, мы хотели создать книгу не из этого времени — в чем-то архаичную, в чем-то новую — насколько это возможно. Текст этому точно способствует.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Никиты Моисеенко из группы «Голландский Штурвал»

В детстве я хотел заниматься искусством. Мечтал вызывать чувства, которые я испытывал при прослушивании Red Hot Chili Peppers или The Cardigans. Мечтал создать творческую среду, в которой будет комфортно, и вызвать потрясение у людей, которые, в конечном итоге, окажутся неожиданно похожими и близкими.

Сегодня искусство перестало играть серьезную роль и воспринимается как наполнитель для новостной ленты. Что-то прикладное, должное и само-собой-разумеющееся. Искусство как продукт прошло через всех возможных заказчиков: храм — дворец — салон для ценителей и эстетов — выставка для обывателей, которые кричат: «удиви меня!» — и новостная лента, в которой мы обратим внимание разве что на массовое убийство.

Художник превратился в видеоблогера и в таком режиме отыгрывает роль кумира поколения. Мы обращаемся к нему утром, чтобы он создал хорошее настроение. В метро слушаем его подкасты, чтобы не смотреть по сторонам. А на работе включаем треки из предложенного плей-листа, чтобы не отвлекаться на звуки офиса. Словом, искусство выполняет прикладную функцию, как музыка в супермаркете. Прикладное искусство это не плохо, но оно не способно заставить меняться, по-настоящему вдохновить, создать субкультуру.

Возможно, это потому, что искусство перестало быть носителем идеологии. Автор устал показывать где хорошо, а где плохо, и увлёкся постмодернистской игрой. А человек устроен так, что слышать снова и снова прописные истины ему необходимо. Без них он замыкается в себе. Начинает объедаться и кричать «удиви меня!», превращая красоту в сборочный конвейер наподобие студии LegalPorno.

Мы находимся в положении сумбурной творческой группы, которая боится вторичности или слабого высказывания, сидит на гуде бесполезной информации среди огромных возможностей, но разучилась замечать главное. Нам приходится быть многостаночниками, торгашами и на-все-руки-онанистами. Если мы перестанем появляться в новостной ленте — мы пропадём. Перед нами повис выбор — преступление или бессилие.

I • СУША

Мы объединились под названием «Береговая группа». Никто из нас ранее не участвовал в акциях. Просто откуда-то была наивная уверенность, что никакого акционизма в нашей стране не было, а этот язык мог стать для нас отличной игровой и экспериментальной площадкой. Было жаркое лето, и ничто не мешало нам жить у залива. Мы поставили четыре палатки на песке и просто занимались тем, что нам нравилось.

В двух маленьких спали я и Капитан Украина. В двухместной — дядя Женя и его подруга Саркисян. Была ещё одна — большая пятиместная палатка, в которой изначально жил Фёдор, создатель «Береговой группы», но он не выдержал и недели жизни у залива. Почти без благ цивилизации, без доступа к интернету, без маниакального и пристального внимания к его персоне он быстро впал в уныние. Фёдор вдохновил нас, но так и не смог стать нашим отцом и богом. Он сказал, что поедет в город докупить необходимые нам рыболовные снасти и привезти кое-что из одежды, но так и не вернулся спустя уже четыре недели. В палатке остались его блокноты, исписанные фразами, которые он потом иллюстрировал схемами и набросками. Также осталась его небольшая библиотека. Всё это стало наследием единственного среди нас настоящего художника. Поначалу мы были несколько потерянными

без его сияющего гения, но постепенно стали видеть свет друг в друге. У нас появились идеи. Огромная палатка Фёдора стала местом, где мы проводили дождливые дни, обсуждая природу греха и кулинарные рецепты (в основном мы питались рыбой и крупами). Мы не задавались вопросом, в чём будет заключаться наша акция. Мы понимали, что в масштабах наших жизней она уже идёт полным ходом.

— Ты играла сейчас для себя или для нас? — Капитан Украина любил уточнять. Он все события увязывал с какой-то безмерной системой в своей лохматой голове. По брезентовым стенам палатки глухо стучали капли дождя. Саркисян отложила флейту в сторону. Она никогда не топилась с ответом. Девушка устала на свои пёстрые шерстяные носки. Кажется, дядя Женя к этому моменту немного задремал.

— Что ты имеешь в виду? — тихо спросила Саркисян, быстро взглянув Капитану в глаза и снова уставившись в пол.

— Ты сейчас импровизировала?

— Ну, да. А что?

— Мне интересно, когда тебя никто не слушает, ты играешь так же? Ты сейчас думала про то, что мы сидим рядом и слушаем?

Саркисян пожала плечами. На лице промелькнула усмешка.

— Да вроде бы мне всё равно.

— Музыка абстрактна, — было ясно, что Капитан не уймётся, — у неё нет никакого месседжа, ведь так? Это просто звуки?

— Разве? — девушка пожала плечами.

— Ну да! Мы ведь не можем однозначно интерпретировать звук или последовательность нот. Типа... *до-си-фа* значит вот это, а *ля-соль-ми* — вот это. Мы просто слышим что-то, и у нас возникает ассоциация или, может быть, эмоциональный отклик. Ну, или не возникает.

— И что?

— Мне интересно, ты сама во время игры как бы вкладываешь что-то в музыку или нет? То есть ты что-то конкретное имеешь в виду или для тебя это просто набор звуков? Ведь рядом находятся люди — то есть мы, и мы тебя слышим. Но ты не говоришь нам ничего, ну, словами, ты играешь на флейте. Что ты нам сообщаешь? Или ты просто пиликаешь? Вот что мне не понятно.

— Ну... — Саркисян задумалась. Капитан Украина частенько её раздражал.

— Нужен ли тебе слушатель, скажем так?

— Ну нет, — Саркисян напряжённо улыбнулась, — для себя я тоже могу поиграть неплохо.

Капитан задумался. По глазам было видно, что его мысль сейчас работает.

— А когда ты играешь одна, ты что-то хочешь сказать себе?

— Иногда я просто играю, чтобы быть в форме.

— Хм...

Я спросил Кэпа, почему его это всё так волнует.

— Я думаю. Ведь мы здесь живём в неестественных условиях...

— Да вроде наоборот, — в самых естественных, — заметила Саркисян.

— Я не про то. Мы же не просто так тут проводим лето. Мы «Береговая группа». Четыре художника, которые ничего не создают. Но. То, что мы поместили себя в искусственные условия — нас же ничто не заставляло так делать, верно? — так что мы находимся в *искусственных* условиях. Мы покинули мир живых, но проявились в мире искусства. Мы произведение искусства. Мы свет творчества. Но у нас нет зрителя. Мы даже никак не фиксируем то, что происходит здесь. Для кого мы это делаем? И есть ли тут месседж? Вот что интересно.

— Наверное, мы ещё что-то создадим. Просто пока нет идеи, — пробормотал я.

— Нет. Это, конечно, не исключено, но я уверен, что главное — то, что мы делаем с собой. Мы больше месяца торчим у залива и расслабляемся. Мы отдали своё время, все

свои амбиции и привязки. Всё бросили для... для чего? Кому мы отдали это время?

— Ты это называешь «расслабляемся?»— Саркисян покачала головой,— я как-то больше расслаблялась в Москве. — Да, но ты там работала для людей. Играла в оркестре, помогала родителям, а здесь... Здесь ты социальный ноль. Если не считать акта творения.

— Я согласна с Лёшей, что акт творения нам только предстоит. То, что мы тут тусуемся, это... подготовка, что ли... Просто пока нет идеи.

Саркисян вздохнула.

— Чёрт! Так есть хочется!

Дядя Женя поднял голову.

— Я выйду, посмотрю — кажется, дождя почти нет. Займись костром.

Женя выбрался из палатки. Саркисян с благоговением проводила его взглядом. Забавной они были парочкой. Ничего общего я не замечал ни в их внешнем виде, ни в манере общения — ни в чём. Я вообще плохо представлял, что является движущей силой дяди Жени. Добрый и ласковый девяностокилограммовый увалень сорока трёх лет от роду. По прихоти своей маленькой армянской подружки он каждое утро скоблил лицо тупой бритвой даже здесь, на заливе. Безропотно сопровождал её, если Саркисян вдруг вздумалось пройти десять километров до леса искать грибы, которых тут почти не бывало летом. Так же безропотно он оставался один в палатке, если ей хотелось прогуляться в окрестностях со мной вдвоём. Он бывал спокоен всякий раз, когда делал то, что нужно ей. И поэтому он был спокоен всегда. Саркисян умела видеть возможности. И едва ли видела что-то ещё. Она жила в мире целей и рычагов, и ни за что бы не оказалась среди нас, если бы не Фёдор. За ним уже закрепилась слава молодого художника. Нового художника. А Саркисян прозябала в консервативном мире академической музыки, играя в оркестре произведения в диапазоне от Бетховена до Арво Пярта. Её флейта не

могла стряхнуть со зрителя оцепенение. А ей очень хотелось быть звонком. Ей хотелось иметь свой голос. Когда Фёдор предложил ей присоединиться к нам, она, конечно, решила, что это отличный шанс вырваться из оркестровой и семейной рутины. Фёдор виделся ей проводником в мир актуального искусства. Да уж. Она ещё не знала, что «Береговая группа» превратится в итоге в некую «вещь в себе». Да и не могла она помыслить, что Фёдор покинет их, едва всё начнётся! Саркисян призналась мне однажды, что часто думает о том, чтобы уехать с залива. Вернуться в оркестр и продолжить путь музыки. Не знаю, что её останавливает. Странно, но она говорит, что это Женя. Она здесь для него. Так лучше. Что ж... кто их разберёт?

По крайней мере, она впервые имеет возможность жить с ним. В Москве её родители препятствовали тому, чтобы она съехала с «Евгением». На заливе Саркисян позволяет ему полностью отдаться служению. Иногда он с улыбкой обхватывает её и поднимает на руках. Прижимается лысой головой к её шее. Тогда её лицо выгибается из-за чёрных длинных волос, и я вижу на нём осмысленное выражение. Она улыбается уголком рта и думает о чём-то. Что-то взвешивает. И не стесняется, когда видит, что я смотрю. На самом деле она *никогда* не расслабляется.

Украина достал из кармана комуз. В глазах появился какой-то ребячливый огонёк. Капитан зажал комуз зубами и начал быстро ритмично повторять одну ноту.

— Ну, нет! — Саркисян терпеть не могла комуз, и Кэп отлично это знал. Девушка нахмурилась и, надвинув на лицо капюшон толстовки, выскочила на улицу. Как всегда, Украина ликовал. Он потренировал ещё с полминутки, и ему стало скучно. Положив комуз в карман, он с довольной улыбкой покачал головой — ох уж эта Саркисян!

— Боже, Кэп, зачем ты? — я правда иногда не мог понять, к чему он изводит её.

— Я? Нет, это всё она — ты же видишь! Она музыкант и не может спокойно послушать мою музыку. А ведь ей полагается обладать широтой кругозора. А иначе кто она?

— О нет...

— О да! Ты не можешь играть музыку, если не способен полюбить все — понимаешь? — *все* звуки! К тому же, это не просто звуки были! Я играл на музыкальном инструменте. Это была музыка! Просто это не похоже на... на то, что они играют. На классику.

Капитан засмеялся и фальшиво напел начало пятой симфонии Бетховена.

— Понимаешь, Лёха, это признак её непрофессионализма. Или даже шире — это признак её незрелости. Незрелости и как музыканта, и как личности. Вспомни — «Всё действительное разумно»!

— Боже...

— Да! Ты не органичен. Ты неадекватен этой вселенной, если хочешь выкинуть из неё что-то. Как можно говорить, что ты любишь музыку, но не любишь комуз? Может, она ещё скажет, что любит дядю Женю, но только не его левое ухо!

— А почему нет?

— Почему... Что ж... — Капитан Украина задумался, — ну, ладно, допустим, что она не любит его левое ухо, но тогда Саркисян не любит Жеку. Всего Жеку. А он только весь и существует. Другого просто нет!

— Кэп. Тебя унесло, — я почесал подбородок. Капитан ждал продолжения.

— Тебя унесло. Ты начинаешь говорить об умозрительных вещах. Вот ты уже заговорил про любовь. Так, словно знаешь, что это такое. Нет никакой любви, нет никакого Жеки целого или без уха. Нам просто дана ситуация, и мы её проживаем. То, что ты говоришь — это попытка анализа. Это на ступень ниже, чем просто жизнь как она есть. Анализ... это словоблудие. Это ничто.

— Нет, — спокойно ответил Капитан, — мы разумные существа, и мы не живём вне анализа. И ты это прекрасно понимаешь. Твои рассуждения про «жизнь как она есть», про «здесь и сейчас» — вот это и есть умозрительность.

Ни хрена мы не живём. Мы барахтаемся в потоке сознания. В потоке идей и мнений.

И без этого ни черта не происходит. Вне твоего мнения нет никакого мира. Нет никакой, на хрен, жизни. Всё здесь, — Украина ткнул пальцем в свой наморщенный лоб. — Ну, допустим, — мне было лень спорить, — и что дальше? — А что? Ах да. Саркисян, так и быть, любит не Жеку, а своего внутреннего Жеку. Того, про кого она думает. То есть у неё в голове кино про всё, что здесь происходит. Там везде-везде персонажи. Не настоящие люди. Там кино! И там есть ты, я, и дядя Женя, и Фёдор где-то за кадром, — Капитан ехидно подмигнул, — а мы — актёры. И когда вдруг мы начинаем чё-то не то базарить, чего она от нас не ждёт, она как бы воспринимает это всё, как... ну как фильм о фильме. Типа кино остановилось и актёр, играющий дядю Женю, рассказывает про то, каково ему было играть свою роль и что он в неё от себя привнёс. Тогда Саркисян, выслушав это интервью, снова включает кино, и тут, с поправкой на новую инфу, дядя Женя пляшет в её истории по-новому, но как бы опять под её дудку. Под флейту! И опять, заметь, всё чисто по её сценарию, потому что отклонение, которое допустил персонаж дядя Женя, отныне ею учитывается! Вот как-то так. — Ты псих ненормальный. Как ты живёшь? Реально!

— Я не псих.

— А кто? Философ?

Капитан покривился.

— Философ — Платон. Ну, или... Розанов. Я — Капитан Украина, — Кэп придвинулся ко мне и добавил вполголоса на ухо — «я твой отец» — и заржал.

— Ага.

Я забрался в спальник и накрылся пледом. А то стало зябко.

— Что я говорил про музыку, — очнулся Капитан, — Саркисян может чего-то не любить в мире звуков, но она должна иметь научный интерес.

— Ты опять...

— Да! Она должна быть в курсе всех красок, если хочет жить. Иначе она говно, а не художник. А главное — она же не человек тогда! Представь, если бы она ненавидела звуки дождя. Как бы она тогда сейчас выжила? Пока идёт дождь, я имею в виду? Полноценный человек, адекватный вселенной, где он живёт, должен любить всё, ты знаешь, — Кэп задумчиво поднял голову к потолку палатки. — Должен всю вселенную уметь слушать и разглядывать её. Как смотрят в огонь костра. Как смотрят на горный пейзаж. Или в окно во двор! Или как фильм «Окно во двор»! Почему нет? Человек должен всегда залипать! Он должен ходить зачарованный, должен всюду видеть интересное. Вот картина — хорошо. Дальше — рамка. Отлично. Кусок стены, рамка и снова картина! И всё это набрасывается на того, кто готов жить на Земле. Не просто в своей голове с идеей своего мира, своего мирочка. Нет! В твоём мирочке нету рамки и стены, есть только картина. И ты можешь многое упустить, пока пялишься на эту мазню! Ты не узнаешь, какая фактура у стены!

— О нет...

— А Саркисян не узнает целой вселенной звуков варгана!

Капитан замолчал в восхищении. Он наслаждался полётом мысли. Он был ястребом мысли. А точнее — слова. Его несли слова. Крылья слов. Он не мог жить, не выплёскивая концепции. Я не знаю, откуда он брал их. Не похоже, чтобы он их продумывал.

Он только озвучивал. Наверное, все эти идеи уже в готовом виде просто роились вокруг его взъерошенной рукой головы. Но иногда мне казалось, что за такие идеи его можно было бы назвать Капитан Очевидность.

— Зачем ты живёшь в этом мире, если не можешь любить его? Свиньи не видят звёзд, потому что у них нет шеи. Но ты человек! Подыми же свою голову! Посмотри на звёзды! Лёха! Пока ты был в городе... ты же не смотрел на звёзды.

— Да смотрел...

— Нет! Ты жил, как свинья! Я помню, как ты увидел звёзды здесь, в первую ночь! Так давай, ты же имеешь шею. Будь человеком. Ты увидишь звёзды. И услышишь звуки варгана. И ты найдёшь в себе способность наслаждаться ими. Человек... адекватный человек — это тот, кто видит красоту.

— Адекватный человек — это тот, который не ты, — сказал я, улыбнувшись по-доброму.

— Конечно! Я тоже не всё ещё принял. Не всё осознал. Но я уже сделал выбор. Я постигну жизнь. В любви. В красоте. Я человек.

— А я кто? — спросил я, приподнявшись на локтях и придав лицу комично серьёзное и озабоченное выражение.

— Эх, — Украина опять засмеялся, — ты мой слуга!

Капитан толкнул меня рукой, и я снова оказался в лежачем положении. С ним всегда было весело. Капитан просто крейзи. Не знаю, где его откопал Фёдор, но они в считанные недели очень подружились. Фёдор представил Капитана московской арт-богеме. Сделал этакое открытие. Капитан был для них своеобразным клоуном, но при этом вселял во многих священный ужас. Ведь было ясно, что он настоящий. Очень серьёзный. Капитан верил во всё, что говорил. А говорил он порою тяжёлые вещи. Его влёл путь искусства. И он планировал зайти очень далеко. Пока я не понял, сделал ли он хоть что-нибудь или же только сотрясал воздух своими бесконечными речами. Ясно было одно — Капитан видел всех этих художников насквозь. И никогда не стремился обидеть никого из них, хотя это не составило бы ему труда, ведь он понимал, что они дрянь. И понимал почему. Художнички знали это и привязывались к Капитану. Он вдохновлял их искать лучшее, снимать маски, нащупывать в себе искреннее. И были благодарны за то, что он не произносил вслух того, что думал и об их арт-тусовке, и о работах. Фёдору льстило, что Капитан Украина признавал его несомненный талант. Их дружба стала для него путеводной звездой, талисманом. Определённо, они двое и составили

костяк «Береговой группы». У Фёдора и Украины была какая-то идея о том, что именно они должны сделать на заливе, но нам они ничего не рассказали. А теперь, когда Фёдор уехал, Капитан Украина говорит, что никакой конкретной идеи и не было. Кажется, он лукавит. Но я пока не понял. Я ещё не научился считать его. А пора бы. Давно пора.

— Капитан. Ты не адекватен вселенной. Ты не любишь Саркисян.

Через полчаса мы все вчетвером сидели у костра. Скамейками нам служили два больших бревна, которые мы нашли в первый день неподалёку. Небо было бесцветным. Солнце спряталось. Приливала и отливала вода, продолжая ткать бесконечный звуковой узор, ставший уже привычным. «Значит, привыкаешь даже к тому, что никогда не бывает прежним», — подумал я. Саркисян сквозь полуприкрытые веки смотрела в огонь. Совершенно кошачье выражение лица. Дядя Женя помешивал варево в котелке. Рис со специями. Опять! Мы все отощали за это время. С питанием было плохо.

— Вопрос-то простой, — опять заговорил Капитан Украина, — мы должны решить, что главное в искусстве: красота или месседж. Вот когда решим, тогда и станет понятно, что нам делать дальше. Если главное красота, то мы можем считать, что наш перформанс уже начался. Зрителей нет, но мы на берегу залива, наше пребывание здесь лишено обыденного смысла — мы тут просто как арт-объект. Мы должны учиться видеть красоту повсюду. И это будет нашим искусством.

— А если мы решим, что главное — месседж, — продолжил Капитан, поняв, что никто не хочет вступать с ним в диалог, — тогда нам никак нельзя без зрителя. И что бы мы ни несли, в этом будет месседж. Месседж ведь он где? В глазах смотрящего.

— Красота в глазах смотрящего, — поправила Саркисян хриплым голосом.

— Красота — это и есть месседж! — оживился Кэп, — красота спасёт мир! Это не просто слова! Понятие о красоте — это понятие о правильном и радостном. О том, каким должен быть мир, как жить в мире. Без чувства прекрасного... на что бы мы ориентировались? В чём угодно. Красота всегда сообщает нам что-то. Она говорит: это правильно. Это хорошо. Я это люблю. Красота — это понимание.

— Нет, — я опять не удержался и заговорил, — иногда красивым бывает и нерадостное. Например, песни Portishead.

— Да! Но ты не понял! Когда ты чувствуешь, что тебе нравится печальная песня... ты испытываешь радость. Просто очень специфическую. Люди, которые поступают некрасиво, они... убивают. И себя, и мир, в котором живут. И тех, кто рядом с ними. Поэтому Достоевский и связал понятия красоты и спасения. Если ты поступаешь и говоришь красиво, мир будет балансировать на краю пропасти. Некрасивое толкает мир в пропасть.

Капитан замолчал. Я по обыкновению покусывал большой палец на правой руке. Саркисян, кажется, дремала, положив голову на плечо дяди Жени. Тот сидел, с мягкой улыбкой глядя в костёр. Никто не хотел говорить. Кроме Украины.

— Некрасивое всегда сознательно. Ты не можешь поступить некрасиво случайно или по ошибке.

Я пожал плечами.

— Да! Ты всегда знаешь, когда делаешь говно! Ты просто в какой-то ситуации. Стоишь перед выбором: или я поступаю красиво, но остаюсь, грубо говоря, без обеда — или подставляю кого-то, но урываю с хозяйского стола хорошенький кусок. Ты же всегда знаешь. Этот процесс — он как вспышка — ты оцениваешь за один миг и вот ты уже поступаешь некрасиво. Ну, так ведь?

Звук волн и костра.

— Случайно ты не сделаешь говна. Ты сначала должен снять штаны и всё такое. А потом ещё смыть за собой

и подтереть жопу. Чтобы никто не задумывался об этом. А потом ещё, при случае, очень остроумно подметить, что «мы все это делаем». И даже «принцессы». А иначе ты дикарь.

— Красивое тоже делается сознательно. Даже с трудом. С большим трудом, — сказал я.

— Ребят, где ваши тарелки? — дядя Женя уже накладывал рис себе и Саркисян.

— Вот вам пример красоты, — засмеявшись, сказал Капитан Украина, — спасибо, Жень. Человек трудился, пока я учил вас.

Саркисян демонстративно закатила глаза и вздохнула.

— Спокойно, — улыбнулся я ей.

— Мда...

Звякнула жестяная посуда. Женя разложил плоской рис, и мы начали жевать. Привычный вкус. Я уже и не чувствовал его.

— Так я о чём, — продолжил Капитан с набитым ртом, — если мы решим, что главное месседж, тогда нам нужно нагнать сюда зрителей. И для них устроить шоу. Перформанс.

Капитан подавился и закашлялся, Женя протянул руку и похлопал его по спине.

— Ой, спасибо. Так я чё говорю. Месседж нужно передавать зрителям. А если мы решаем, что главное в нашем искусстве красота, то мы оставляем всё как есть. Потому что... Потому что тут красиво. И то, что мы тут с вами — это тоже красиво.

— А кто увидит эту красоту? — спросил я.

— Мы просто создадим её. То есть мы будем творцами. Как писатель, который пишет в стол. Он пишет, создаёт. Никто не читает это, но красота уже на бумаге. А у нас красота будет в самой нашей жизни. В каждом её моменте. Мы жители красоты! На этом чёртовом заливе! Просто показываем в экстазе своё творение небу!

Никто не оценил. Я скоблил ложкой по тарелке.

Дождь прекратился. Мы доели. Саркисян отправилась спать. Дядя Женя предложил сходить в лес и поискать

ветки для костра, чтобы высушить их в палатке. Я был не прочь прогуляться по ночному лесу. Украина остался охранять сон Саркисян. По факту он просто остался сидеть на бревне и задумчиво созерцал движение воды в заливе. Мы все это практиковали время от времени.

Женя сетовал на то, что давно хочется курить. Было бы неплохо сходить до Дружного — так назывался ближайший посёлок. Вообще деньги у нас были. Но нам не хотелось ничего покупать на них — за месяц мы всего пару раз делали вылазки в цивилизацию. Покидать наш странный мир как-то не тянуло. И если первый раз мы это сделали охотно, оставив Украину в лагере, то во второй раз поход показался невыносимым, а мир людей — слишком сумасшедшим и агрессивным.

— На самом деле можно ещё купить супы в пакетиках, знаешь такие?

— Ага, — Женя утвердительно кивнул.

— Они в принципе нормальные. Хоть какое-то разнообразие в рационе.

Мы подошли к лесу. Дядя Женя начал выискивать сушняк на земле. Я отошел подальше и, нагнувшись, вытянул из-под куста почти сухую рогатину, разломил и положил в матерчатую сумку. Какое-то время мы молча собирали палки. Стало темно. Я светил карманным фонариком.

— Вот и батарейки неплохо бы докупить.

Женя согласился. Я был ровно посередине между бодростью и сном. Тело словно в воде. Тёмное небо, но определённо ещё не ночь. Из звуков — только шелест листьев, ветер и щелчки ломающихся веток. Никакое искусство не нужно, когда погружаешься в это. Эта мысль постепенно засияла в голове, как луна, вышедшая из-за тучи. Я тут же понял, что начал анализировать — значит, я уже выпал из магии этого момента. Да, я так и не смог вернуться. Мысли заполнили всю пустоту, и она перестала звенеть и резонировать. Всё заглохло под прессом работы мозга.

— Жень, ты вообще как, не думаешь отсюда сваливать? — мы почти никогда не говорили с ним о чём-то, кроме быта. Казалось, что помыслы Жени могли существовать только внутри рассказов Саркисян. Жень подошёл ко мне, затягивая верёвку на мешочке с ветками.

— Пока нет. А ты?

— Я... Да пока ничего не думаю. Просто жду, что будет дальше. Пока ничего не понятно. Но чувствую, что возвращаться к старой жизни не хочется.

Жень кивнул.

— Да и есть ощущение, что мы чего-то здесь не доделали, — добавил я.

— Мы вообще ничего не сделали, — неожиданно серьёзным тоном сказал Жень. Я поспешно согласился.

— Я смотрю на вас с Украиной и вспоминаю, как мы с пацанами в 90-е жили на сквоте в Питере. Нам всё было до фени. У нас там была творческая группировка. Чего мы только не выдумывали. Мы делали квартирники, ставили там же пьесы. Я тогда коллажами занимался.

Жень раньше никогда сам мне не рассказывал про своё творческое прошлое. Я слышал кое-что от Саркисян, но не стал говорить ему об этом. Вообще старался избегать при Жене любых упоминаний о нашем с нею уединённом общении, хотя в этом и не было тайны. Я всегда чувствовал какой-то страх по отношению к Жене. Казалось, что если он всё же ревнует, то... не хотелось бы оказаться на пути у такого здорового парня. Поэтому я старательно избегал возможностей уединиться с его «девочкой», как он её называл. Хотя она часто зовёт меня погулять с нею или посидеть в палатке. Я хочу, но всё же обычно отказываюсь. Из-за страха. Не уверен, нравлюсь ли я ей. Очень похоже. Но она в то же время явно привязана к дяде Жене. Изначально я был вполне равнодушен к Саркисян. Много в ней не нравилось, но спустя неделю примерно я научился видеть в ней соблазнительные стороны. В конце концов, в этом безлюдном месте она была единственной женщиной всё это время.

— Никаких коллажей, конечно, не сохранилось. Да и слава Богу, — глаза привыкли к темноте, и я увидел усмешку на лице Жени.

— Тогда ты и стал скульптурой заниматься? — в основном Женю знали как скульптора.

— Нет, нет. Скульптура — это уже более поздние дела были. Это я уже через лет пять в Москве поступал. Я вообще не про это хотел сказать.

— Угу.

— Так вот. В том сквоте мы делали всё. И жили, и всё наше искусство там же рождалось и росло. И умирало. Мы звали людей. Постоянно там были толпы народа. Кто-то жить оставался. Я сам туда пришёл переночевать, когда в Питер приехал. И остался на два года. Мы почти не работали. Люди приходили к нам на выставку, приносили водку, макароны. Представляешь? Так и жили.

— Здорово.

— Да не то чтобы... Хотя задумываться было некогда. В общем, мы ни к чему не стремились, но очень много говорили про искусство. Каждый считал себя гением. И друг друга мы всегда считали гениями. Ну, или просто называли. Иногда собирали совет и решали, кто больше не гений. И этот человек должен был прийти в большую комнату, где жил наш вождь Натан и его две жены. Перекрытые напрочь ребята. И очень светлые. И в то же время... Ладно, это не объяснить. В их комнате все рассаживались, ставили стул в центре, а на него садили того, кто почему-то, как нам казалось, перестал быть гением. Этому чуваку, или девушке, устраивали «суд». Мы задавали ему по очереди вопросы. Зачем ты пришёл на Землю? Почему ты всё ещё здесь? Что ты ответишь Вселенной? Почему ты пишешь песни или... почему ешь мясо? Понимаешь? Почему ты должен любить Артура Брауна даже. Представляешь? — Жень засмеялся.

— Да, прикольно.

— Ага. Потом, что бы этот человек ни отвечал, вопросы становились всё жёстче, и в итоге мы приходили к выводу,

что бывший гений ссучился, зажрался или стал сволочью. Я уже точно не помню, что это значило и как одно от другого отличалось, но выбор был из этих трёх вариантов. Тогда Натан провозглашал срок, на который бывший гений должен был удалиться из сквота или попросить приюта у одного из нас под личную ответственность. Срок этот чаще всего был шесть дней. Но, кажется, однажды кому-то дали двадцать один день — не помню почему. И вот. После этого срока человек приходил к нам и приносил своё творение. Ни разу не было такого, чтобы провинившегося отвергли. Но каждый жутко парился! Был один парень Вова Вовремя. Он писал маслом. Просто как Бог! И вот, когда я поселился в сквоте, он уже полгода как ни черта не делал. Просто бухал и пел песни Гребенщикова. Это была засада. Ну не суть. Через месяц ему устроили «суд», решили, что Вова стал сволочью и дали ему четыре дня на то, чтобы написать картину, после которой он станет гением. Все дни, что я прожил к тому времени на сквоте, Вова был просто пьяной мразью, которая поёт Гребенщикова. Он ждал, когда его разжалуют и говорил, что ему по барабану. Но после «суда» я его не узнал. Я согласился взять его в свою комнату, потому что было известно, что у Вовы нет в Питере другой вписки. Да и мне было интересно посмотреть, как он будет писать маслом. Я тогда об этом тоже думал. Правда, не был уверен, что он вообще станет что-то делать. Он был гордым и презирал сквот и его законы. Ночь после «суда» он пропил. А на следующий день, трезвый как стекло, он начал готовить холст. У него была виноватая улыбка. Он как бы делал вид, что для него это просто игра. Но я понял, что он ужасно боится, что не станет снова гением. Он не успел дописать картину тогда, но ему простили. Он закончил её чуть позже. Сейчас она в частной коллекции у японца этого — как его? А! Юсаку Маэдзава. Такие дела.

— Круто.

— Да, если человек понимал, что он не сможет представить нам что-то убедительное, он не возвращался в сквот.

— Смирившись, что он не гений?

— Да по-разному. Я вот смирился.

— В смысле??

— Да, меня тоже как-то признали зажавшимся. Дали мне шесть дней, и я по-тихому свинтил из той компании.

— Почему?

— Меня достали коллажи, но я не знал, что я вообще могу сделать. Я проиграл тогда. У меня не было ни формы, ни содержания. Я не был гением. Да и всегда это понимал. Немногие из тех, кто не смог снова «стать гением» убивались по этому поводу. Они понимали, что им нечего представить на суд и уходили. Обычно, они считали, что выше сквота и всех этих дурацких правил. И искали своё место где-то ещё. Да и правильно. В этом сквоте почти ничего не прорывалось наружу. Как и тут, на заливе. Мы называем друг друга художниками. Украина рассуждает не хуже Натана. Видно, парень со стержнем. Но я даже не знаю, что стало с Натаном. И куда в итоге денется Украина, тоже не знаю.

— Хм.

— Надеюсь, конечно, что найдёт работу, и мозги встанут на место, но сейчас... — Женя покачал головой.

— Но у нас же... акция.

— Нет, Лёш. Акция — это совсем другое. Ты просто не знаешь историю искусств, вот и всё. Да и не только историю. Я с акционистами много общался, видел, что они делают и зачем. То, что происходит здесь — это... это просто безумие. Для меня — нет. Мы с моей девочкой тут живём и многое друг о друге узнали за это время. Будет момент, и мы уедем, но позже. А вы что тут делаете, ребята? Пора бы вам зашевелиться. Украина точно что-то задумал. Но мне всё равно. Я за любой движняк. Наверное, что-то мы тут ещё и сделаем, но пока вы мне очень напоминаете моих ребят из сквота. Гении в себе. Я бы дал вам шесть дней, — Женя засмеялся.

— Хорошая идея, — смущённо поддержал я. Дальше шли молча. В какой-то момент послышался звук мотора.

Почему-то я не придал ему особого значения. Мы с Женей добрели до палаток у залива.

— Ты спать?

— Малыш спит вроде. Я не хочу. Можно ещё пройтись. Украину не видно?

— Сейчас загляну к нему.

Я подошёл к палатке Капитана и просунул внутрь голову.

— Спишь?

— А? — Кэп приподнялся на локтях, — да.

— Ну, спи. Доброй ночи!

Пройдя в сторону палатки Жени и Саркисян, я обратил внимание на какой-то новый странный звук, примешавшийся к шуму волн. Какое-то ледяное завывание, но не ветер. Возможно, мне показалось. Дядя Женя стоял у палатки и озадаченно смотрел на фосфоресцирующий бледно-зелёный шар, валявшийся на песке рядом с его палаткой.

— Что это?

Женя молча поднял на меня глаза.

— Такой же шар лежит в палатке на месте девочки.

— Саркисян?

— Её там нет, — Женя кивнул в сторону палатки, поднял с земли шар и протянул мне. Шар был небольшой — его можно было удержать в ладони. Сухой и очень лёгкий. Шар мерно светился зелёным.

— Видишь, — дядя Женя указал под ноги. Сквозь траву проглядывали сияющие пятна салатого оттенка.

— Ага, — кивнул я, — а это завывание? Или мне кажется?

— Слышу, — кивнул Женя и пошёл снова в сторону леса, туда, куда вели эти пятна.

— Я спрошу Украину, может, он знает, где Саркисян.

— Да, — Женя ответил как-то рассеянно. Кажется, он был ужасно подавлен. У меня же пропажа Саркисян и появление мерцающих артефактов вызвало крайнее возбуждение и потаённую радость. Всё было как во сне. Украина отмахнулся от меня и сказал, что ничего не видел

и не слышал. Если Саркисян потерялась, он желает нам удачи в поисках, но вообще-то ночью положено спать. Ни Саркисян, ни шары его не интересовали. Я пустился трусцой догонять дядю Женю. Тот размашисто шагал негнуцимиися ногами и ушёл достаточно далеко. По пути я разглядел шар. Чёрт возьми — кажется, это какая-то дешёвая рукотворная поделка в духе тех, что для развлечения конструируют иногда ребята вроде Фёдора. Не удивлюсь, если такие продают в сувенирных лавках столицы НЛО, Роузленде. Я нагнал Женю. Тот шёл, шумно дыша. Всё тело напряглось. Зелёный след на траве почти совсем исчез, но всё громче слышались неестественные воющие и свистящие звуки. То мелодичные, то хаотично-жуткие. Также приближался гул. Впереди за деревьями был виден источник света.

— Боже, — вырвалось у меня. В душе поднималось смешанное чувство восторга, ужаса и нереальности происходящего. Фантастическим было даже то, как сильно напрягся Женя. Никогда раньше не видел его в таком состоянии! Да и представить не мог. Женя всегда казался богатырём, а тут...

Вскоре послышались голоса. Вполне человеческие. Да что там? Я узнал эти голоса! Жека улыбнулся и перешёл на бег. Вскоре мы очутились на небольшой поляне. По центру стояла серая «Волга» с зажженными фарами. В ней сидел незнакомый человек. Рядом же, расстелив на траве две пенки, сидели Саркисян и Фёдор. Между ними стоял несуразный металлический агрегат с антенной. Сперва я принял его за диковинный кальян, но вскоре признал в предмете терменвокс невероятно курстарного происхождения! Саркисян водила рукой вдоль антенны, меняя высоту и интенсивность звучания завывающе-свистящей электрической ноты.

— Смотри, кто пришёл! — крикнул Фёдор, увидев нас.

После радостных объятий, похлопываний по плечу и прочих стандартных тёплых процедур Фёдор выдал нам какие-то куртки, чтобы мы не мёрзли, и мы подсели на

пенки, образовав круг, в центре которого стоял терменвокс. Фёдор предложил нам выпить. У него была водка. Саркисян уже порядком опьянела, и Жене хотелось не отставать от своей подруги. Я тоже согласился, хотя и напрочь отвык от спиртного за это лето. Даже как-то дико было. Но возбуждение, сменившееся радостью встречи, располагало к возлияниям. Хотя, сказать честно, я больше хотел увидеть пришельцев из космоса, чем Фёдора, пусть и талант его простирается далеко за пределы нашей галактики, всё же это не совсем то. Даже ценою жизни Саркисян или... своей собственной я был готов заплатить за встречу с неизведанным. А не с водкой и пьяной надеждой московской арт-тусовки. Дядя Женя незамедлительно и полностью расслабился. Хотя нет, чувствовалась какая-то несвойственная ему истерическая суетливость. В целом он явно был рад видеть Фёдора, к которому всегда питал большое уважение.

Незнакомцем оказался некий Лев — я не понял, имя это или прозвище. На вид ему было не больше тридцати. Вытянутый, коротко стриженный и в тёмном плаще. Лев не пил, так как был за рулём. Он и привёз на залив Фёдора. А также некоторые «новые полезные предметы». Как-то вскользь Федя дал нам понять, что собирается-таки устроить акцию на заливе, и в разговоре обставил дело так, словно всё это время ни на секунду он и не планировал отступить от этой задумки. А тот факт, что его не было целых три недели, он как-то изящно упустил из внимания. Он прекрасно понимал, что таким, как он, это простительно. Вопросов не будет. Максимум — ропот, который не дойдёт до его ушей.

Фёдор любил, когда мы поём песни. И он привёз на залив неплохую акустическую гитару! Сначала Женя спел пару песен дуэтом с Саркисян. Она очень старалась. Она всегда старалась, когда рядом появлялся Фёдор или кто-то из тех, с кем она связывала надежды на своё продвижение. Пели что-то из Янки Дягилевой, и получилось на самом деле хорошо. Потом Женя стал бубнить остросоциальную нудятину. Кажется, эти песни сочинил то ли он

сам, то ли друзья его молодости. Это было какое-то тягостное сочетание бескомпромиссной серьёзности и посредственности. Вскоре решено было передать инструмент мне. Я не любил петь на русском. Гораздо легче давались англоязычные песни. Сперва неторопливо хищным цветком распустилась песня «Riders on the Storm» группы The Doors. Пьяные мысли начали привязываться ко всему, что я видел вокруг. Строчки «*There's a killer on the road, his brain is squirming like a toad...*» моментально приклеилась ко Льву. Он и правда был зловещим. Тёмное спокойствие. Мягкая улыбка и навязчивый изучающий взгляд. Иногда он переводил глаза на лица говорящих и едва заметно кивал. Говорил мало. Деликатным, ровным голосом. Лицо было правильным, но приятное впечатление портилось, как только Лев открывал рот, обнажая потемневшие нездоровые зубы. Я не понял, что в голове у этого человека, но окружавшая его аура была отталкивающей. Казалось, в нём зреет какое-то нечеловеческое существо. Когда же я дошёл до слов «*Girl you gotta love your man, take him by the hand, make him understand*» я невольно сделал акцент на «*gotta*» и быстро взглянул на Саркисян. Я знаю, она не слишком улавливает суть текстов на английском и, надеюсь, не придала значения этим словам. Я всё ждал, когда я смогу почувствовать её ответную любовь к дяде Жене. Звучит странно, однако я на самом деле хотел этого. Интересно, что чувствовал сам Женя?

Это может показаться удивительным, но Саркисян до сих пор любила альтернативный рок, который слушала ещё со школы. Даже теперь, погрузившись с головой в академическую музыку, она с удовольствием врубала в плеере всякий шлак вроде Muse или Pira Roach. А ещё она всячески поощряла моё любительское пение. Вот и теперь она попросила спеть что-нибудь из Nirvana. Я хотел возразить, но Фёдор настоял.

— Давай, мне тоже интересно. Я ни разу не слышал в акустике Nirvanу!

— Давай, — поддержал Жека.

— Бабу надо уважить,—неожиданно выдал Лев. Фёдор тут же покотился от смеха.

— Давай, Лёха, надо уважить бабу!

Саркисян залилась краской и широко улыбнулась, закатив глаза. Я почесал в затылке.

— Окей.

Подумав, что сыграть, я понял, что давно забыл все песни Nirваны, которые мне нравились. Пришлось играть то, что отложилось в памяти— *Come As You Are*— «Явись таким, какой ты есть». И тут случилось что-то невероятное. Я запел текст, знакомый многим, даже тем, кто не знает английского. Текст, который давно ничего не значит, ведь он заслушан до дыр. Такие песни поются на автомате.

Come as you are,
As you were,
As I want you to be.
As a friend,
As a friend,
As an old enemy.
Take your time, hurry up.
The choice is yours, don't be late.
Take a rest as a friend,
As an old memoria.

Не знаю, почему меня неожиданно тронул этот простой текст, и по коже пошёл озноб. Я почувствовал отчаянье в своём призыве. Я ещё не понял, кого именно я зову. Но тоска была почти материальной. Она сковала моё тело. И тут, когда я миновал чисто декоративный бесвязный второй куплет, мне всё открылось. Я запел «...and I swear that I don't have a gun...» и перенёсся в другое место и время. Апрель девяносто четвёртого. В Сиэтле, в своём доме я лежал на полу, вколов смертельную дозу героина, и адресовал себе самому текст этой песни. В беспросветном одиночестве я обратился к единственному другу— к себе самому. К лучшему себе. К тому, за кого никогда не

было стыдно. К молодому человеку с приветливой улыбкой и добрыми глазами. Я звал на помощь талантливого и разумного парня, которым видел себя время от времени. К нему же обращался Роджер Уотерс в тоскливой песне *Wish You Were Here*— к своей лучшей половине. Я умирал на полу. От передозировки или вообще от несовместимости моего существования с этим миром («Контакт с воздухом, должно быть, приносит невыносимую боль»,— как сказал дантист в фильме «Танец реальности»). Я умирал и звал своего светлого двойника явиться таким, какой он есть. Двойник не торопился, и я пообещал, что буду безоружен («no, I don't have a gun...»). И как только тот вошёл в комнату и наклонился надо мной, слился со мной, я сжал руками ружьё, которое заранее приготовил и выстрелил. Так я утвердил на земле царство боли и отчаянья. Хорошо, что никто этого не заметил. Песня обернулась кошмаром. Она была светлой, но я предал себя и убил одним выстрелом и звавшего на помощь, и спасителя. Должно быть, Кобейн был загнан в слишком чёрный угол, если так поступил! Мой голос дрогнул. Не думаю, что Саркисян, Женя, Лев или Фёдор заметили, что я потрясён. Они слушали моё посредственное исполнение и улыбались. Саркисян закрыла глаза. Мы выпили ещё по одной и поехали к берегу, давно пора было спать.

Утро выдалось прохладным. Я проснулся последним— все уже сидели у костра на брёвнах. Украина не могла радоваться Фёдору, а Фёдор— Украине. Лев встал раньше всех и приготовил насыщенную вкусами и запахами полёбку, пустив в дело пряности и овощи, привезённые из города.

— Вообще люблю готовить,— сказал Лев за завтраком,— я служил на флоте. Раньше не готовил, а после армии полюбил это дело.

— А чем ты ещё занимаешься?— спросила Саркисян.

— Я участник проекта *Sea Urchin*— «Морской ёж», если по-русски. Слышали про такой?

Никто не слышал.

— Музыкант?— спросил Женя.
— Нет,— Лев улыбнулся,— это международное движение, целью которого является истребление акул.
— Что?
— Да. Акулы— древнейшие из морских убийц. И они угрожают своим существованием и людям...
— Что это за бред?— пробормотала Саркисян. Лев не услышал.
— Мы небольшими отрядами выезжаем на рейды на катерах и охотимся на акул. Сначала несколько ребят осторожно подплывают к ней. Потом происходит атака с разных сторон. Мы удерживаем акулу, пока один из нас засовывает ей в пасть морского ежа...
— Какой кошмар...— в этот раз Лев повернулся к Саркисян.
— Нет. Кошмар— это то, что акулы иногда делают с людьми. В ряды Sea Urchin вступают те, кто осознал важность этой миссии. Его создатели— двое одноногих ныряльщиков из Калифорнии. Оба были жертвами белых акул. Но теперь... Теперь белые акулы их жертвы. Агрессор должен быть наказан. Сегодня акула откусывает аквалангисту ногу, а завтра... Завтра парни из Sea Urchin засовывают этому отродью в пасть ежа. Акула плавает с ним несколько дней и постепенно умирает. Она не может есть, когда в её глотке застрял ёж. Обычно она умирает от голода. Акулы не испытывают боли— их организм вырабатывает обезболивающее. Но во время атаки мы вкалываем ей препарат, который останавливает выработку обезболивающего. Так что всё это время, которое акула плавает с ежом в глотке, она испытывает ужасную боль.
— Кажется, все хищники и так постоянно испытывают голод и ужасную боль,— заметил Капитан Украина,— если я правильно понимаю, голод и боль— это всё, что составляет их жизнь.

Лев неопределённо кивнул. Ударил порыв ветра. Никто ничего не сказал. Все ели, позвякивая ложками по металлическим мискам. Фёдор был весел. Кажется, его позабавила наша реакция на рассказ Льва. Сомкнутые губы

вращались по кругу, пережёвывая пищу, но улыбка уже перебралась выше— в глаза. Ветер усиливался, и волны начали гулять. Здесь, у берега, вода была почти прозрачной, можно было пройти метров двадцать по дну, затем глубина резко возрастала. Дядя Женя иногда совершал заплывы в одиночку. Он плавал далеко, но ещё дальше надо было плыть, чтобы попасть в море. У моря есть свои границы и своя внутренняя жизнь. У жизни тоже есть свои границы. Если весь путь, проделанный существом за время жизни вытянуть в прямую линию, можно узнать, сколько раз это существо могло обойти всю Землю. Или до какого небесного тела добралось бы оно, если бы не гравитация и насущные потребности в еде и воздухе. Так смерть можно свести к географии. Смерть— то, что следует за серией шагов. Или взмахов плавниками...